

Илья Учитель, Национальный исследовательский университет Высшая
Школа Экономики, e-mail: ilja-uchitel@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕВЫХ КОНСТРУКЦИЯХ В ИДИШЕ

Резюме: Данная работа фокусируется на одном из аспектов синтаксиса идиша: различных видах целевых клауз — в его диахронии и синхронии. Особое внимание уделяется ареальным различиям в данных конструкциях и наличию тех или иных явлений в определенном диалекте идиша. При описании данных конструкций проводятся параллели с аналогичными конструкциями в немецком языке, его диахронических и ареальных вариантах. Материалом для данного исследования послужили как корпусные данные, отражающие ситуацию в письменных текстах, так и экспедиционные записи, сделанные в 2015 году в Молдове и США, и отражающие норму украинского, белорусско-литовского, польского диалектов идиша.

Ключевые слова: Идиш, диалекты идиша, зависимые клаузы, целевые клаузы, германистика, германские языки, модальность, бессоюзие, бессоюзные придаточные предложения.

Ilia Uchitel, *Higher School of Economics*

YIDDISH FINAL CONSTRUCTIONS

Abstract: This study deals with the various kinds of final clauses in Yiddish considered from a diachronic and a synchronic vantage point. It focuses on areal differences in these constructions and their existence in various dialects of Yiddish. It draws some parallels between similar constructions in German dialects. The research is based on both corpora and field data. The field data representing South-Eastern, North-Eastern and Central-Eastern Yiddish dialects was collected during expeditions to Moldova and the USA.

Keywords: Yiddish, Yiddish dialects, dependant clauses, purpose clauses, german languages, modality, Asyndeton, Asyndetic clauses.

0. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Наша работа посвящена теме синтаксического строя идиша – языка евреев Центральной и Восточной Европы. Известно, что идиш, изначально отделившись от немецкого диалектного континуума, в значительной степени отделился от диалектов немецкого языка, во многом из-за интенсивного контакта со славянскими языками, при котором было заимствовано очень большое количество различных языковых явлений.

Однако в некоторых случаях идиш, являясь, в некотором роде, островным идиомом и, находясь долгое время вне значительного контакта с другими германскими идиомами, наоборот, сохранил архаичные средневерхненемецкие черты, утерянные «на большой земле». Кроме того, в идише произошел ряд инноваций, не связанных с контактным влиянием.

Таким образом, изначальная средневерхненемецкая система также изменялась. Прежде всего, речь идет о развитии каких-либо черт, уже, в некоторой степени, присущих средневерхненемецким диалектам, но не являющихся повсеместной нормой, как это произошло в результате их распространения в идише. В нашей работе при изучении синтаксиса идиша мы ограничиваемся целевыми конструкциями, под которыми мы понимаем способы комбинации составляющих сложного предложения (клауз) таким образом, чтобы зависимая клауза выражала цель события, описываемого в главной (матричной) клаузе. Мы попытались создать разностороннее описание целевых конструкций в идише, отражающее как состояние данных конструкций в настоящее время, так и их диахроническое развитие. При описании целевых конструкций мы отталкивались от семантического разделения на кореферентные (односубъектные) и некорреферентные (разносубъектные) клаузы.

0.1 ИДИШ: ОБЗОР

Идиш является германским языком западно-германской группы, верхненемецкой подгруппы [Лингвистический энциклопедический Словарь]. Он был родным для большинства евреев-ашкеназов на территории Европы – в основном, центральной и восточной, — начиная с позднего средневековья (XI–XIII вв.) [Jacobs 2005: 20], когда можно говорить о его обособлении от германских диалектов Германии. Если определять идиш, как «германский язык еврейского населения», то необходимо выделить две основные группы диалектов:

1. Западную группу диалектов, на которых говорили евреи в Центральной Европе — Германии, Франции, Чехии, Австрии, Эльзасе, Лотарингии, Швейцарии, Нидерландах.

2. Восточную группу диалектов, на которых говорили евреи в Восточной Европе — Польше, Литве, Белоруссии, Украине, Румынии и Молдавии.

Западные и восточные диалекты идиша серьезно отличаются, как непосредственно по лингвистическим признакам, так и по социолингвистическим свойствам. Носители западных диалектов были сильнее ассимилированы в окружающие иноязычные сообщества, чем носители восточных диалектов. Литературный идиш Нового времени был сформирован на базе восточных диалектов идиша. К XIX веку идиш на восточных территориях своего распространения (в основном, Российской империи) использовался гораздо шире, чем на западных. Носители западных диалектов к XIX веку были более ассимилированы в окружающие иноязычные сообщества – идиш для них был скорее «домашним языком». В силу этого, некоторые исследователи (например, М.Х. Фридберг [Фридберг 1961]), считают, что непосредственно «идишем» надо называть восточные диалекты. Западные диалекты в таких случаях предлагается обозначать как «Тайч-Идиш» ('немецкий идиш').

В рамках нашего исследования мы будем рассматривать восточные диалекты идиша. Классическая схема их деления выглядит следующим образом [Jacobs 2005: 60]:

1. **Северный диалект.** Был распространен на территории современной Литвы, Белоруссии, Латвии, северной Украины. В настоящей работе мы будем обозначать его как «белорусско-литовский диалект».

2. **Центральный диалект.** Был распространен на территории нынешней Польши, Словакии, западной Украины. В нашей работе мы будем обозначать его как «польский диалект».

3. **Юго-Восточный диалект.** Был распространен на территории современной Украины, Румынии и Молдавии. В нашей работе мы будем обозначать его как «украинский диалект».

0.2 МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В нашем исследовании, как уже упоминалось выше, мы воспользовались двумя видами материалов: устными и письменными. Сначала обсудим то, каким образом мы получили устные материалы.

Во-первых, специально для данного исследования нами было проведено несколько полевых экспедиций малого формата, в ходе которых мы

Илл. 1: Диалекты идиша [Коряков Ю.Б.: 2008].

опросили 12 носителей трех диалектов идиша — польского, белорусско-литовского и украинского (украинских и бессарабских говоров). Кроме того, трое из информантов проживают в настоящий момент в США.

Одной из важных для нашего исследования особенностей работы со всеми информантами является то, что, как представляется нам, во время ответов на вопросы анкеты информанты невольно переходили на более высокий регистр речи — старались не опускать элементов, которые могли (как представляется нам) в более свободной речи опускать. В нашем случае речь идет, прежде всего, о союзах (подробнее мы рассмотрим это явление в части, посвященной бессоюзным клаузам). В первых ответах, а также в разговорной речи наблюдается использование более низкого регистра.

Вторым источником материалов устного идиша являются записи других исследователей, работавших в разные годы с носителями идиша (в экспедициях в Черновцы и Молдавию), а также с записями лекций на идише. Эти материалы включены в базу новейшего (2014 год) Мультимедийного корпуса языка идиш, разрабатываемого студентами и сотрудниками НИУ ВШЭ в Москве [<http://web-corpora.net/YiddishMultimediaCorpus/search/>] (далее обозначен как МКЯИ). К сожалению, в МКЯИ, в отличие от Корпуса языка идиш (о котором речь пойдет чуть ниже), на сегодняшний день отсутствует полноценный меха-

низм поиска словоформ, что осложняет полноценную работу с его материалами. Участники команды МКЯИ очень любезно предоставили нам его материалы, что позволило нам в более удобном режиме осуществлять поиск необходимых нам примеров. Весьма важно то, что материалы МКЯИ представляют собой транскрибированные записи свободной речи носителей идиш, которые гораздо лучше демонстрируют использование тех или иных конструкций в живой разговорной речи.

1. Конструкции с некорреферентными клаузами в немецком языке

В средневерхненемецких идиомах в качестве основного целевого союза использовался многозначный союз *daz* (*durch daz/uf daz*) [Bross 2008: 25], а единственно возможным наклонением придаточных предложений цели являлся конъюнктив [Бабенко 1974:101], ср.:

(Н. 1) *Din red sol sin daz der frömd kein scham davon hab.* ‘Твоя речь должна быть такой, чтобы чужестранец не устыдился ее’ (по [Семенов 2010: 74]).

На ранней стадии формирования нововверхненемецкого языка, уже в XVI в., конъюнктив также оставался основным наклонением в придаточных предложениях цели. В этот период полифункциональный союз *daz* и образованные от него союзы (*damite daz, durch daz, umbe daz, dar umbe daz, dar zuo daz, uf die red daz, den worten daz* [Behagel 1928: 652]) активно использовались в целевом значении.

Однако в этот же период в немецком языке начинает оформляться более специализированный союз *damit* (*darmit*). Как и другие подобные лексемы, он обладал некоторой неясностью значений и сохранял связь с омонимичным местоименным наречием, отвечающим на вопрос ‘с чем?’.

К примеру, сравним употребление *damit* в качестве целевого союза и его же употребление в указательно-инструментальной функции. В первом случае глагол в зависимом предложении использовался в конъюнктиве, во втором – в индикативе; очевидно, что именно наклонение глагола в зависимом предложении позволяет различить эти два значения.

Кроме того, отмечается, что придаточное предложение цели, как правило, стояло после главного.

Таким образом, «сохранение у союзов с финальной семантикой широких связей с местоименными наречиями не позволяет говорить о полной специализации в серии союзов с целевым значением в немецком языке XVI века» [Бабенко 1975: 9]. Именно целевое значение придаточного

предложения выражалось при помощи сочетания нескольких факторов: наклонения, постпозиции предложения, коррелятов и союзов, в том числе и более специфичного новообразованного *damit*.

Уже в период окончательного формирования современного литературного немецкого языка лексема *damit*, обособившись от омонимичного местоимения, окончательно специализировалась и стала функционировать в качестве основного целевого союза литературного языка. В силу этого, необходимость в дополнительных способах подчеркивания целевого значения той или иной конструкции отпала, и уже в материалах немецкого языка XVII века отмечается рост употребления индикатива — с 0,7% в XVI веке до 6,3% в XVII веке [Бабенко, 1975: 10]. Существуют подсчеты, что в современном немецком языке более 96% целевых придаточных предложений вводятся при помощи союза *damit*. Одновременно, в данном типе придаточных клауз в абсолютном большинстве случаев глагол используется не в конъюнктиве, а в индикативе, что отмечается различными исследователями ([Behagel 1928: 655], [Brandt 1983: 151]).

Важнейшей связанной с этим темой для нас является расширение употребления модальных глаголов в придаточных предложениях и связанная с этим их десемантизация. В текстах XVII в. отмечается гораздо более частое употребление ряда модальных глаголов (*können, sollen, dürfen, wollen* и, в особенности, *mögen*) в зависимых предложениях. Н. С. Бабенко демонстрирует, что в конструкции *möge/möchte* + инфинитив глагола *mögen* используется не в своем непосредственном значении ‘желать’, а, скорее, как один из способов подчеркнуть «потенциальный, вероятностный характер ситуации, обозначенной в придаточном предложении цели» [Бабенко 1975:12]. К примеру:

(Н.4) Nehr-auf besuch ich diesen neuen Freund oftmahls, wan es essenzeit wahr, damit er mich mit zur tafel nehmen möchte. ‘После этого я часто навещал нового друга во время обеда, чтобы он брал меня с собой к столу’ [Zesen 130; по Бабенко 1975: 12].

Однако она указывает на то, что такое употребление модальных глаголов не закрепилось и в современном немецком языке: модальные глаголы в таких позициях выражают свое непосредственное модальное значение, таким образом выполняя семантическую, а не грамматическую функцию. В следующей части мы увидим, что в идише схожий процесс привел к противоположному результату.

Конструкции с целевым союзом используются преимущественно в случае отсутствия кореферентности между субъектами главного и придаточного предложения. В случае же кореферентных субъектов, практически исключительно употребляются инфинитивные обороты типа *um... zu* (о которых речь пойдет в следующем разделе) [Behagel 1928:

653]. Однако в ряде случаев употребление придаточного предложения с союзом представляется более предпочтительным: прежде всего, в случае употребления в зависимой клаузе модального глагола в своем прямом значении (Н.5). В [Brandt 1983] также говорится о том, что в некоторых случаях, когда «речь идет не о действиях в прямом смысле» (*Handlungen im eigentlichen Sinne*), финитная клауза бывает предпочтительнее инфинитивного оборота (Н.6).

(Н.5) Ich habe das gemacht, damit ich den HTML-Schnipsel als Vorlage für die Datenbankzeilen verwenden kann ‘Я сделал это, чтобы я мог использовать части HTML-кода как приложение к ячейкам базы данных’ [google: J. Stark 2010:iPhone-Apps mit HTML, CSS und JavaScript]

(Н.6) Jetzt esse ich keine Spatzle mehr, damit ich abnehme. [Hedberg-Schlaug, Gaiser по Brandt 1983: 159]

Однако в идише, как представляется, подобное употребление данных конструкций, может быть гораздо более широким — мы рассмотрим это в части, посвященной кореферентным клаузам.

2: КОНСТРУКЦИИ С НЕКОРЕФЕРЕНТНЫМИ КЛАУЗАМИ В ИДИШЕ

Наш устный материал, как и результаты поиска в корпусе художественных и публицистических текстов, демонстрирует, что носители идиша при порождении целевых придаточных клауз/предложений (за исключением инфинитивных конструкций) используют исключительно конструкции с глаголом *zoln*. При этом, в ряде случаев (о чем мы скажем позже) в силу некоторых причин наблюдалось вытеснение инфинитивных конструкций с целевым значением конструкциями с глаголом *zoln*.

Важнейшей составляющей, как можно понять, здесь является глагол *zoln* (ср. с нем. *Sollen*). Конструкции с этим глаголом выражают большое количество различных значений. Утратив исторически изначальное значение долженствования (ср. с англ. *Shall*), конструкции типа «*zol + Inf*» стали использоваться для построения релятивных (пример 1 ниже), условных, а также целевых предложений [Rabinovich 2014]. Сочетания с этим глаголом также могут «выражать сомнение, предположение, неуверенность, возможность или необходимость действия и т. п.» — т. е., собственно, ирреалис [Сандлер 1989: 174]. Кроме того, конструкции с *zoln* используются в сентенциальных актантах при ряде глаголов, например, *veln* ‘хотеть’ или *betn* ‘просить’ [Eggensperger 2001: 223]. В целом, можно

говорить о том, что конструкции с глаголом *zoln* выражают ряд оттенков ирреальности, например, оптативные и потенциальные.

Очевидно, что можно говорить о значительной десемантизации и грамматикализации этого глагола. Ряд исследователей ([Zaretski 1929: 89], а затем и Юдл Марк) описывают эти конструкции, выделяя их в отдельное «смешанное наклонение», образующееся при помощи глагола *zoln*.

В диахронической перспективе в данном случае речь идет об утрате конъюнктива и последующем серьезном расширении значения модальных глаголов (*zoln*, *veln* и др.).

Действительно, конъюнктив как отдельное наклонение с собственным морфологическим выражением был утрачен в идише. Сравнивая функциональное наполнение средневерхненемецкого конъюнктива и конструкций с *zoln* в идише, К. Eggensperger в своих работах приходит к закономерному выводу о непосредственной связи этих двух категорий и, следовательно, правомочности обозначения конструкций с глаголом *zoln* в идише как отдельного наклонения — конъюнктива [Eggensperger 2001: 224]

Союзы, вводящие придаточные предложения цели с некорреферентными субъектами клауз, в идише отличаются разнообразием.

С одной стороны, идишем было заимствовано большое количество разных союзов как семитского, так и славянского происхождения. Из славянских языков в идиш пришел многозначный союз *abi* (подробнее см. в [Учитель 2014]), в ряде случаев способный выражать целевое значение; из семитских — специализированный целевой *kedej* (и устаревший однокоренной *bikdey*).

С другой стороны, в данном значении широко употребляется древний германский союз *az* (ср. *daz* в свн.). Нельзя не упомянуть о том, что союз *az* в идише является некоторым «гибридом», вобравшим в себя значения двух средневерхненемецких союзов: темпорального *az* (ср. современный немецкий *als*) и рассмотренного в предыдущем разделе многозначного *daz* (подробней об этом см. в [Фридберг 1968]).

Очень часто (особенно в украинском диалекте идиша) придаточные предложения цели и вовсе не оформляются ни одним союзом, и целевое значение полностью выражается при помощи «смешанного» наклонения — конструкций с *zoln*, а также, в некоторых случаях, порядка слов.

Однако распределение данных способов построения целевых придаточных, на наш взгляд, неравномерно и в значительной степени зависит от нескольких факторов: диалекта (напомним: польского, литовско-белорусского или украинского), регистра сообщения (письменное сообщение, устная речь и т.п.), а также положения клаузы.

В последующих разделах мы подробно рассмотрим каждый союз, используемый в разносубъектных сложных предложениях, и то, как именно эти факторы влияют на их использование.

2.1 *kedej*

Этот союз семитского происхождения, восходящий, согласно М.Фридбергу [Фридберг 1970: 75] к арамейскому союзу /kēdē/ (ср. также древнееврейский $\text{וְ/}diy/$ ‘что, чтобы’ и современный $\text{וְ/}kedej/$ ‘чтобы’ в иврите) в идише имеет четко очерченную целевую семантику. Он был заимствован идишем в силу того, что существенное количество носителей идиша (особенно среди тех, кто создавал сохранившиеся до нынешнего времени и ставшие одной из основ для литературного идиша письменные тексты) с давних времен владели арамейским и древнееврейским языками, на которых были написаны священные для иудеев тексты.

Этот союз в разной степени употребляется в идише. С одной стороны, наши полевые материалы показывают, что в разговорном идише этот союз используется очень редко. Судя по всем имеющимся у нас записям, носители украинского диалекта вообще не используют этот союз, хотя и вполне понимают его значение, причем как в кореферентных, так и в некорреферентных предложениях. Например, в этой записи отчетливо видно, что носитель разрешает употребление союза, но не порождает изначально конструкцию с ним.

Соб.: Как сказать: «Я принес тебе кофе, чтобы ты его выпил»?

Инф.: *Ix hob gebraxt kofe zust ustrinken.*

Соб.: Можно ли использовать здесь *kedej*? “*Kedej zust ustrinken?*”

Инф.: Можно. “*kedej zust trinken.*” [Kogan_ukr: 26-40]

В речи людей, проживающих в США *kedej* тоже встречается не слишком часто, уступая место союзу *az*. Скорее всего, не использование союза *kedej* в разговорной речи, связано с тем, что данный союз, происходящий из священных книг, может принадлежать к высокому, книжному стилю; ср. с русскими союзами с подобной коннотацией: *дабы, ибо*. Действительно, один из наших информантов, профессор Исидор Левин, носитель белорусско-литовского диалекта (и стандартного литературного идиша) следующим образом прокомментировал использование этого союза:

Соб.: Как перевести «Сара принесла воды, чтобы ее дочь попила»?

С *kedej*?

Инф.: [*Sara hot gebraxt vaser*] *kedey zi zol trinken* — ‘нормальные люди так не говорят, это грамматизм’. *Zi zol trinken*. Если как в разговоре. [Levin: 05:00]

С другой стороны, и в этой и других записях белорусско-литовского диалекта идиша все-таки достаточно часто встречается этот союз. Скорее

всего, это связано с тем, что, по крайней мере, опрошенные нами носители этого диалекта вполне владеют стандартным литературным идишем: читают книги, пишут письма, проходили в той или иной степени обучение на идише. Однако нельзя полностью игнорировать тот факт, что и в литературном языке этот союз в разной степени употребителен: к примеру, во всех проанализированных работах Шолем-Алейхема, родившегося на территории распространения украинского диалекта идиша, этот союз встречается лишь один раз (хотя присутствует два употребления однокоренного союза *bikdej*), в то время как в книгах других писателей живущих в то же время, но происходящих из других диалектных зон (Ицхока-Лейбуша Переца из польской зоны и Менделе Мойхер-Сфорима из белорусско-литовской) этот союз всё-таки достаточно употребителен.

Если это не является особенностью авторских стилей данных писателей, а отражает реальную диалектную картину, то такой результат можно попытаться объяснить тем, что в зоне распространения украинского диалекта степень влияния книжного стиля был несколько ниже, чем в Литве и Польше. Возможно, это связано с распространением на территории украинского диалекта хасидизма — демократичного религиозного течения иудаизма, в котором особую роль играли легенды и сказания, передаваемые устно, следовательно, престиж и влияние народной речи были выше, чем в местах распространения белорусско-литовского и польского диалектов.

В более новых текстах, прежде всего публицистических — например, нью-йоркской газете «Forverts» — *kedej* встречается гораздо чаще. Если при поиске в КЯИ только по подкорпусу художественных текстов, созданных до 1945 года, составляющему 2,68% от общего объема, *kedej* встречается 30 раз, в художественных текстах, созданных после 1945 года (которых в корпусе 2,42%) — уже 49; отношение употребительности *kedej* в старых и новых текстах составляет примерно 27/49, что значит, что в новых текстах *kedej* употребляется в 1,8 раз чаще, чем в старых. При поиске же по подкорпусу публицистических текстов (состоящему прежде всего из упомянутой газеты «Forbverts»), составляющему 78,43% от всего корпуса этот союз встречается уже 2369 раза. Следовательно, отношение количества употреблений *kedej* в подкорпусе старых художественных текстов и подкорпусе новых публицистических текстов около 877/2369, т.е. в современных публицистических текстах этот союз встречается в 2,7 раз чаще, чем в «старой» художественной литературе. Отметим, что цифры, получающиеся в результате сопоставления количества вхождений *kedej* в новых художественных текстах (примерно 2000/2369) показывают, что преимущество публицистических текстов уже не столь велико — только около 16%.

На наш взгляд, распространение союза *kedej* связано, с одной стороны, с распространением требующих узко специализированных союзов жанров письменности: публицистики и научно-делового письма (учебники, пособия, и т.п.). Распространение аналогичного узко специализированного союза *damit* в немецком происходило также в тесной связи с развитием научно-делового стиля речи.

Однако также это можно попытаться объяснить тем, что сегодня говорящие и пишущие на идише люди испытывают большее влияние имеющих достаточно специализированные целевые союзы языков (английского, русского, иврита), чем это было раньше и в гораздо меньшей степени контактируют собственно с живой, не книжной речью, как это было до середины XX века.

Более того, для многих из тех, кто пишет сегодня тексты на идише — к примеру, в вышеупомянутую газету «Forverts» — идиш не является родным языком. Они могли выучить идиш по академическим пособиям и словарям, в которых, не всегда в полной мере отражен синтаксис разговорного языка. Например, в идиш-английском и англо-идишском словарях Вайнрайха [Weinreich 1999], как и русско-идишском словаре М. А. Шапиро [Шапиро (ред.) 1989] не отмечено, что союз *kedej* не слишком употребителен в разговорной речи. В статье о сочетании *so that (in order to)* предлагается только 2 варианта перевода — *kedej* и однокоренной *bikdej*. Точно также и словарь Шапиро предлагает в статье «чтобы» в качестве союза цели только союз *kedej* — однако упоминает, что в качестве частицы (ср. *чтобы этого больше не было!*) переводится конструкцией с *zol*. Характерной демонстрацией того, что союз *kedej* активно используется именно людьми, в прошлом изучавшими идиш, служит тот факт, что в устном мультимедийном корпусе языка идиш (www.web-corpora.net/yiddishmultimediacorpus) единственные употребления этой лексемы принадлежат именно собирателю, делающему интервью в полевой экспедиции.

2.2 *bikdej*

Однокоренной с *kedej* союз, также имеющий семитское происхождение, в принципе, полностью синонимичен *kedej*. Можно считать, что в «старых» текстах XIX в. этот союз встречается не намного реже, чем *kedej*. К примеру, в объемном (575 тысяч знаков) романе Менделе Мойхер-Сфорима “*Dos Vintsh-Fingerl*” ‘Волшебное Кольцо’ *bikdej* употребляется 19 раз, в то время как *kedej* — только 13. Также интересно и то, что в работах Шолом-Алейхема этот союз встречается три раза. Однако в современном идише он употребляется гораздо реже, в корпусе он встречается лишь 37 раз (по сравнению с 2421 употреблением *kedej*). Кроме того, ни один из

опрошенных нами информантов не использовал этот союз для построения придаточного предложения цели. Исходя из этого, можно предположить, что, несмотря на то, что в прошлом он был настолько же распространен, как и *kedej*, сегодня этот союз является, скорее, устаревшим и не входит в некоторый «новый стандарт идиша» - язык, изучаемый студентами в университетах школах, используемый в академической литературе и в современном разговорном языке не-носителей идиша (по поводу хасидов-носителей идиша у нас, к сожалению, слишком мало информации). Возможно, это связано с тем, что *bikdej* совсем не был свойственен устной речи во всех диалектах идиша — и в этом кроется его отличие от *kedej*, который, как мы предположили чуть выше, мог использоваться носителями белорусско-литовского диалекта (а, возможно, и других — к примеру, диалектов западного идиша) в повседневной речи, что, в условиях междиалектной конвергенции в местах нового обитания евреев — Израиле и, в особенности, США — могло также стать одним из факторов, поддерживающих распространение этого союза в современном идише.

2.3 *abi*

Abi — это лексема, которая, скорее всего, была заимствована идишем из восточно-славянских языков (см. по этому поводу подробнее ниже, а также [Фридберг 1970: 120] и [Учитель 2014]). Как уже отмечалось, лексеме *abi* свойственно много значений. Объединяющим компонентом-семемой является крайняя необходимость события, описываемого в придаточной клаузе. Кроме того, *abi* может использоваться и в качестве союза, соединяя клаузы сложного предложения, и в простом предложении — в качестве частицы. Также *abi* может быть компонентом сложных местоимений и местоименных наречий *abi-ver* ‘абы кто’, *abi-vos* ‘абы что’ и т. д.

Судя по полученным нами полевым данным, использование *abi* в качестве целевого союза возможно только среди носителей украинского диалекта идиша. Все носители польского и белорусского диалектов идиша (4 и 2 соответственно) в принципе не разрешили использование этой лексемы в целевых клаузах. Кроме того, и у носителей украинского диалекта использование *abi* серьезно ограничено. Действительно, контекст «крайней необходимости» или то что, как это было сформулировано в [Фридберг 1970: 130]: «Действие должно быть выполнено любой ценой», серьезно ограничивает употребление *abi* в данном значении. Этот оттенок значения остро чувствуется всеми информантами. Ср. комментарии, которые были даны некоторыми из них.

(И.1) ‘Сара идет домой поливать цветы’: *Sore gejt ahejm tsu bagisn di blumen*. Если бы она спешила куда-нибудь в другое место, в театр и

может опоздать, тогда можно было бы сказать *abi*. Она спешит, у нее другие дела, и она остается — *abi* — только лишь с тем, чтобы полить цветы. *Sore iz gekumen abi di blumen tsu bagisn* [Levin_lit].

(И.2) ‘Сараидетдомойполиватьцветы’: *Sara ot gebraxt voser, zol ire tochter trinken*. Это совсем не то, что *abi*. С *abi* — она ее заставляет, та не хочет. Она ее... Ищет пути — и вот она нашла: она поднесла, лишь бы она пила. Я знаю, так говорили [Kogan_ukr].

Союз *abi* часто переводится носителями как «лишь бы». В описании русских целевых конструкций в новейшей корпусной грамматике русского языка [Пекелис: 2014] высказывается идея о том, что этот показатель «выражает желание, а не цель». Кроме того, в этой же работе отмечается, что у целевых конструкций в русском языке существуют семантические ограничения по отношению к агентивности субъекта главной клаузы: он должен быть либо одушевленным, либо осмысляем как одушевленный при помощи метафорического переноса.

На наш взгляд, в идише, по крайней мере, по отношению к конструкциям с союзом *abi* действует подобное ограничение. Как минимум, этот показатель не может использоваться, если субъект главной клаузы выражен неодушевленным существительным. Ср. комментарии информантов по отношению к предложенным для оценки предложениям, где субъект главной клаузы не является одушевленным:

(И.3) ‘Знак тут, лишь бы люди не нарушали правил’ *Der sәmen iz do, abi mentšn zoln nit brexn di klolim*. «Не аби — лишь бы — он стоит для того, чтоб. *Kedej* тоже не подходит. Он установлен для того, чтобы что-то.» [Kogan_ukr]

(И.4) Машина имеет хорошие колеса, чтобы не ломаться в пути. *Di mašine hot gite rejder, abi nit gebroxn vern afn veg*. {Можно?} Тоже нельзя. Я бы сказала *Zoln ništ broxn ofn gos* [Sofia_ukr].

2.3. Бессоюзный способ введения целевого предложения

Как уже упоминалось выше, одним из обязательных признаков целевых придаточных предложений в идише является «смешанное наклонение», т.е. использование конструкции с глаголом *zoln* в качестве предиката зависимого предложения. Часто изучаемые нами клаузы вводятся одним из рассмотренных выше союзов, однако очень часто зависимая клауза вообще не вводится никаким союзом. В особенности это свойственно разговорной, диалектной речи, однако и в письменных текстах такие употребления не редки.

Под «разговорной речью» мы понимаем наиболее естественный режим речи, который можно зафиксировать, с одной стороны, непосредственно в интервью с носителем на отвлеченные темы (для обнаружения

необходимых нам примеров мы воспользовались базой данных МКИ), а также некоторые ответы информантов из нашего анкетного исследования. На наш взгляд, существует некоторая закономерность, при которой первые несколько примеров носитель переводит более расслабленно, чем остальные, т. е. использует более естественные регистры речи — как это делали, по отношению к четкому произношению звука 'г' информанты Уильяма Лабова, произнося его с большей вероятностью в списках слов (word lists) аккуратной речи (careful speech), чем в обыденной речи (casual speech) [Labov 1966]. Пожалуй, этот переход может быть частично связан, к сожалению, с большим количеством однотипных вопросов в анкете, демонстрирующих информантам ожидание интервьюера «получить» какой-либо союз.

Необходимо добавить, что среди материалов, полученных в интервью с носителями идиша в США и носителями литовского диалекта идиша, бессоюзные конструкции практически не встречались.

В целом, можно говорить о том, что бессоюзное присоединение целевых клауз является характерным для украинского диалекта идиша. Например:

(И.5) [Grinshpun_ukr] <Ixvel>koxn [irzoltzejndemprotses]. ‘Я буду готовить, чтобы вы увидели процесс’

При этом нам встречались носители (двое из пяти информантов, опрошенных в Кишиневе), которые ставили глагол *zoln* в зависимой клаузе на первое место:

(И.6) [Kogan_ukr]: Sara ot gebraxt voser [**zol** ire toxter trinken] ‘Сапа принесла воды, чтобы ее дочь попила’.

(И.7) [Sofia_ukr]: Abram maxt ol [**zol** zajn zon furn zix lernen] ‘Абрам делает все, чтобы только его сын поехал учиться’.

Отметим, что подобная инверсия встречается только в бессоюзных придаточных. В случае наличия любого из рассматриваемых нами целевых союзов на первом месте используется уже прямой порядок. Т. е. приведенная ниже конструкция является невозможной:

(И.8) Abram maxt ol *(kedej/bikdej/az/abi)**zol** zajn zon furn zix lernen kejn Minsk] ‘Абрам делает все, чтобы только его сын поехал в Минск учиться’.

Это подтверждается как на наших материалах, так и на материалах Корпуса современного языка идиш, за исключением единичного случая, обнаруженного в религиозной литературе:

(И.9) Shtey ouf, es shpayz, **az zol** dayn harts zayn freylekh ‘Встань, ешь яства, чтоб твое сердце радовалось’ [Yehoyesh]

Важно отметить, что сформулированное правило может нарушаться, когда глагол в зависимой клаузе имеет личные окончания второго лица,

что связано с частым в таких случаях опущением личных местоимений *du* 'ты' и *ir* 'вы'.

(И.10) [Sofia_soroca_ukr]: Ti us di nose zaxn fin dir, az zost zix ništ farkiln 'Сними мокрую одежду, чтобы не заболеть'

(И.11) [Kogan_ukr] Ix xob gebraxt kofe zust trinken. С кедей [тоже] можно — kedej zust trinken. Я принес тебе кофе, чтобы ты его выпил.

(И.12) [Kogan_ukr] ix'l lernen git abi zost ništ vejnen 'Я буду учиться хорошо, только бы ты не плакала'

Эти примеры «обратного» порядка могут появляться под влиянием форм императива, когда инвертированная конструкция «*zol* + субъект + глагол» в независимых предложениях может быть переведена как «пусть он/ты сделает что-либо». Например:

Zol er aleyu mikh heysn 'Пусть он сам меня позовет' [Perets]

Описанные выше конструкции встречаются не только в устной речи, но и в письменных текстах, при этом однозначно определить, какое именно здесь имеется значение (императивное или целевое) весьма затруднительно:

(И.13) Ikhfregbaydir, zolstmirzognoyfavayle, viazoxyhotgeheysnodem horishnkayensfoter 'Я у тебя спрашиваю, скажи мне, как звали Адама первородного, сына Каина' [Sholom-Aleykhem].

(И.14) Lomirimfarbetnoyferkonferents, zolerednvegnyidishinmikr onezye, unbshasmayseoykhmelanezie, unparua'nyugini... 'Давайте его позовем на конференцию, чтобы он говорил о идише в Микронезии, или даже историю про Меланезию, и про Папуа-Новую Гвинею' [Soksberger]

При этом, как представляется, подобные «инвертированные» конструкции в большей степени характерны для «старых», а не «новых» публицистических текстов. Несмотря на то, что при поиске в корпусе мы не разграничивали различные значения таких инвертированных конструкций (например, условные и целевые), тенденция к их более частому использованию в «старых» текстах видна. Составляя таблицу ниже, мы отсекали лишние значения, возникающие из-за случаев неразграниченной омонимии при запросе «, + **zol** + **существительное**», чтобы однозначно иметь дело с субъектом придаточной клаузы, поэтому мы делали запросы только с наиболее часто встречающимися в таких конструкциях местоимениями.

К сожалению, объем художественной литературы в корпусе слишком мал, чтобы получить объективные результаты, к примеру, при нашем собственном (не корпусном) поиске сочетания «, **zolst**» в текстах Шолем-Алейхема обнаруживается уже 5 подобных употреблений (на фоне 7, обнаруженных в художественных текстах, представленных в корпусе).

В выборке «старых» текстов большую часть занимают труды Соломона Блумгартнера, написанные под псевдонимом Иегоэш. Поскольку это религиозная литература, а именно переводы Священного Писания на идиш, ей могут быть свойственны значительные отклонения от стандартных художественной и устных текстов. Поэтому мы приняли решение поместить результаты из этих произведений в отдельный столбец в таблице.

Таблица 1. Распределение различных личных форм бессоюзной целевой конструкции в корпусе.

	«новые» письменные тексты, публицистика	«старые» письменные тексты, религиозная литература	«старые» публицистические тексты, художественная литература
	Объем подкорпуса: 78,43%	Объем подкорпуса: 15,45%	Объем подкорпуса: 6,12%
, zol er (3л.; ед. ч., м.р.)	24 вхождения (24/145=16,55%)	115 вхождений (115/145=79,31%)	6 вхождений (4,13%)
, zolzi (3л.; ед. ч., ж.р.)	13 вхождений (13/30=43,34%)	15 вхождений (15/30=50%)	2 вхождения (2/30=6,66%)
, zolst (2л.; ед. ч.,)	16 вхождений (9 – поэзия) (16/87=18,39%)	64 вхождения (64/87=73%)	7 вхождений (7/87=8,04%)
, zolst du (2л.; ед. ч.,)	0	0	0
, zolt (2л.; мн. ч.)	0	0	0
, zolt ir (2л.; ед. ч.,)	28 вхождений (28/114=24,56%)	81 вхождения (81/114=71,05%)	5 вхождений (5/114=4,38%)

К сожалению, объем художественной литературы в корпусе слишком мал, чтобы получить объективные результаты, к примеру, при нашем собственном (не корпусном) поиске сочетания «, zolst» в текстах Шолем-Алейхема обнаруживается уже 5 подобных употреблений (на фоне 7, обнаруженных в художественных текстах, представленных в корпусе).

Прокомментируем данные в таблице. Исходя из изначально большой доли публицистических текстов в корпусе, мы бы могли ожидать самый высокий процент результатов из публицистических текстов в итоговой выборке. Также, на наш взгляд, можно было бы ожидать примерное процентное соответствие доли текстов в корпусе, и доли выдачи — как мы имеем в случае «старых» публицистических текстов. Это примерное

процентное соотношение особенно ярко нарушается в результатах из «старых» религиозных текстов — результатов из них гораздо больше, чем из публицистики, при том что их доля в выборке значительно меньше. Следовательно, мы приходим к выводу, что такие конструкции в большей степени характерны для «старых» религиозных текстов и, возможно, «старых» текстов в целом.

Вполне вероятно, такие результаты для «старых» религиозных текстов обусловлены индивидуальным стилем автора.

Также обращает на себя внимание то, что подобный инвертированный порядок слов как в корпусных данных (судя по этой таблице), так и в собранных нами полевых материалах более характерен, в случае, если субъект зависимой клаузы выражен вторым лицом и единственным числом. Более того, он встречается у информантов, с другими лицами использующих прямой порядок слов. Например:

(И.15) [Sofia_ukr]: Ix hob gebraxt kofe zust trinken ‘Я принес тебе кофе, чтобы ты его выпил.’

(И.16) [Levin_lit]: Tu ojs dajne nase klejder zolst nit farkiln ‘Сними мокрую одежду, чтобы не заболеть’

С одной стороны, это может быть связано с тем, что в идише при инверсии во всех случаях личное местоимение *du* ‘ты’ присоединяется к глаголу, причем личное окончание глагола фузионно сливается с ним, при этом происходит оглушение, например *zolst + du > zolstu*. Однако в украинском диалекте фонема *u* переходит в *i* и, одновременно, конечная *i* практически не произносится или просто отпадает. Следовательно, происходит переход *zostu > ? zolsti > zost*.

В корпусе случаи инверсии при использовании любого целевого союза, когда используется стяженная форма *zolstu*, нами не были обнаружены.

Глаголы второго лица множественного числа не образуют в идише стяженных форм, и поэтому форма **zoltir* невозможна.

Отсутствие целевого союза, как уже говорилось выше, – частое явление и для письменных текстов. Оно встречается, к примеру, в текстах Ан-ского, Шолом-Алейхема и других, ср.:

(И.17) *Nekhth is der gantser kahal vi eyn mentsh tsu mir gekumen [ix zol geun un redn]* ‘Вчера вся община как один человек пришла ко мне, чтобы я пошел и поговорил’ [Nakhman; по Rabinovich 2014]

Распространенность таких конструкций, на наш взгляд, во многом связана с обязательностью «смешанного наклонения» в целевых придаточных клаузах. Действительно, наличие союза в таких клаузах вполне можно считать излишним, ведь значение цели и желательности уже передается глаголом *zoln*. На наш взгляд, это логично вытекает из общей тенденции к экономии языковых средств, свойственной устным идиомам.

Таким образом, можно выделить два других признака, маркирующих «зависимость» придаточного предложения в отсутствие союза и, следовательно, делающих возможным его опущение. Во-первых (и основных), это присутствие глагола *zōln* «смешанного наклонения»; во-вторых, это достаточно часто встречающийся обратный порядок слов (*[zōl er...]* вместо *[er zōl]*) — не ставший, однако, повсеместной нормой.

В русском языке, как мы уже указывали, можно расчленить целевую некорреферентную конструкцию на «что + сослагательное наклонение», теоретически можно было бы представить целевую конструкцию, выражаемую только сослагательным наклонением. Как указывается некоторыми авторами, в народной речи древнерусского языка подобные явления существовали [Борковский 1972: 68–70] (хотя, в отсутствии их отражения в письменных источниках того времени релевантных примеров не приводится).

Однако примечательно то, что очень похожие бессоюзные конструкции встречаются в некоторых диалектах немецкого языка. К примеру, они были зафиксированы в нижненемецких диалектах Алтая. Их исследователь, Г. Едиг, отмечая потерю этими диалектами конъюнктива, говорит о частом использовании глагола когната *sollen* в целевом придаточном предложении с оттенком оптативности [Едиг 1970: 233], например:

(Н.8) *an daut dāi mi: nič dāreɡo:nə zol, buŋ ät' de:m aun-ə dal:a feust*
«und dass der mir nicht durchgehen soll, band ich ihm an der Tür fest» ‘и чтобы он не пролез ко мне, привязал я его к двери крепко’. [Едиг 1970: 233],

Что особенно примечательно, он также приводит пример (к сожалению, только один), в котором подчинительный союз *daut* ‘что/чтобы’ (ср. нем. *dass*, идиш. *az*) опускается. Ср.:

(Н.9) *mi:n maun la:t mi: nič do:a o:abede, [ät' zol mi: nič de hān' fehunse]* «mein Mann lässt mich da nicht arbeiten [**ich soll** mir die Hände nicht verderben]» [Едиг 1969: 152] – ‘мой муж не позволяет мне тут работать, чтобы я не испортила себе руки’, буквально: ‘... я не должна испортить себе руки’. [Едиг 1970: 233],

Хотя сам исследователь отдельно не комментирует этот пример и считает его с другими бессоюзными «обстоятельными» предложениями примером сочинения, мы предполагаем, что этот пример имеет много общего с подобными употреблениями в идише. Как представляется нам (и как косвенно свидетельствует сам Г. Едиг), в первом примере *sollen* употребляется в достаточно десемантизированном значении и, возможно, как и в идише, является некоторым заменителем утраченного этим диалектом конъюнктива и, следовательно, маркирует придаточное предложение. Как уже упоминалось в идише и в средневерхненемецких,

и ранненоверхненемецких текстах достаточно часто встречались примеры употребления конструкций с модальными глаголами (в т. ч. с *sollen*), частично потерявших свое изначальное значение. Но в литературном немецком языке такие конструкции не закрепились. Рассматривая процесс грамматикализации модальных глаголов в целевых клаузах в общегерманской перспективе, можно отметить, что в шведском языке целевые клаузы также, как и в идише, оформляются при помощи сочетания союза *så att* (ср. с англ *so that*) и конструкции с модальным глаголом *skola*, являющимся когнатом германского глагола *sollen* [Brandt 1983:151].

Итак, мы предполагаем, что употребление модального глагола *sollen* при построении целевого бессоюзного предложения в данном говоре немецкого языка – закономерность. Если наше предположение не ошибочно, то можно говорить о том, что подобные конструкции с модальными глаголами как в алтайских немецких говорах (не распространившиеся полностью на «союзные» целевые придаточные), так и в идише (распространившиеся как на «союзные» целевые придаточные, так и широко распространенные «бессоюзные» придаточные), – все они являются результатом двух одинаковых тенденций, а именно:

- использованием десемантизированных модальных глаголов, определенным образом связанное с потерей средневерхненемецкого конъюнктива — тенденцией, в некотором смысле уже существующей в средневерхненемецких идиомах.
- как уже упоминалось, общим стремлением к экономии языковых средств и избегание использования необязательных в подобных случаях союзов.

Следовательно, по нашей гипотезе, рассмотренное нами явление бессоюзного присоединения целевых клауз в идише, не является уникальными, изолированными фактами развития идиша, а представляют собой логическое продолжением тенденций, свойственных и другим германским идиомам, а также имеющим некоторое типологическое распространение и вне них.

2.5 *Az*

Az является одним из союзов идиша, унаследованных еще из средневерхненемецкого языка, ср. средневерхненемецкий союз *daz*, вводящий изъяснительные и целевые придаточные предложения. Однако в ходе исторического развития идиша значение этого союза значительно расширилось, что, как предполагает М. Фридберг [Фридберг 1969], произошло в ходе его «смешения» с другим, схожим по звучанию средневерхненемецким союзом *az* (ср. нем *als*), который выражал темпоральные значения ‘когда’; ‘в тот момент, как’. Возникший в результате этого слияния

гибридный союз стал выражать большое количество значений (временное, условное, изъяснительное, целевое).

Если использование этого союза в изъяснительных придаточных предложениях является нормативным явлением, то при использовании в других значениях с ним конкурируют другие, более употребительные союзы: в условном — *ojb* (ср. нем. *ob*); в временном — *ven* (ср. нем. *wenn*), в целевом — рассматриваемые нами союзы *kedej*, *bikdej*, *abi*.

Ни в коем случае нельзя говорить о том, что использование *az* в целевых придаточных — маргинальное или нелитературное явление. В письменных текстах такое употребление встречается, например, у Иццока Нахмана:

(И.18) *Mir geyen tsu der medine fun ashires, az zey zoln undz helfn* ‘Мы идем в страну богатств, чтобы они нам помогли’ [по Rabinovich 2004].

Наоборот, учитывая то, что из 12 опрошенных информантов у 6 «целевое *az*» регулярно встречается (в отличие от других союзов), можно считать, что данный союз является основным целевым союзом в идише. Это употребление характерно для носителей всех трех диалектов восточного идиша (польского, белорусско-литовского, украинского), включая проживающих в США.

(И.19) *Abram ‘ot gebraxt holz az dos fajer zol brenen* ‘Абрам принес дрова, чтобы костер горел’ [Sirakis_ukr]

(И.20) *far vus hostu zitejlt azoj? – Az di kinder zoln ništ šraitn!* ‘Зачем ты так поделила? Чтобы дети не ссорились!’ [sofia_soroca_ukr]

(И.21) *Rokhl hot gebraxt ire brider az zej zoln zikh vashn bajm tajkh.* [Botvinik_USA]

Важно отметить то, что в относимых некоторыми исследователями к целевым сентенциальных актантах [Добрушина 2012], которые вводятся такими глаголами, как *хотеть*, *просить* и др., используется только этот союз *az*, другие союзы (*abi*, *kedej*) не могут этого делать. Ср:

(И.22) *Ikh vil nisht, az mayn tokhter zol azoy filn* ‘я не хочу, чтобы моя дочь так себя чувствовала’ [Forverts]

Отметим, что зачастую в таких (как и других) целевых конструкциях союз *az* вообще опускается, например:

(И.23) *tsvey kimat fremde mentshn zaynen gekumen tsu im tsu gast, un men vil er zol zingen.* ‘два практически чужих человека пришли к нему в гости и хотят, чтобы он пел’ [Forverts]

Кроме того, представляется, что, в отличие от собственно целевых выражений, в рассматриваемых актантных конструкциях глагол *zol* не склонен вставать сразу же после управляющего глагола (например, *veln* ‘хотеть’). К примеру, в КЯИ было обнаружено лишь одно такое употребление, в «старом» тексте Шолом-Алейхема.

(И.24) In eyn tog, vilstu, zol oysfarkoyft vern di gantse skhoyre?
 ‘В один день, хочешь, чтобы были проданы все товары?’ [Aleykhem]

Мы считаем, что в таких актантных конструкциях зависимая клауза должна иметь прямой порядок слов – в отличие от собственно целевых конструкций, где придаточная клауза не является сентенциальным актантом предиката главной клаузы. Отметим, что в обоих случаях решающую роль играет «смешанное» наклонение. В некоторых учебниках присутствуют списки глаголов, которые требуют конструкции *zoln* в зависимой клаузе, однако полноценного академического описания этого явления на сегодняшний день нет (ср. такую работу на русском материале: [Добрушина 2012]).

Бессоюзная конструкция: типологический взгляд

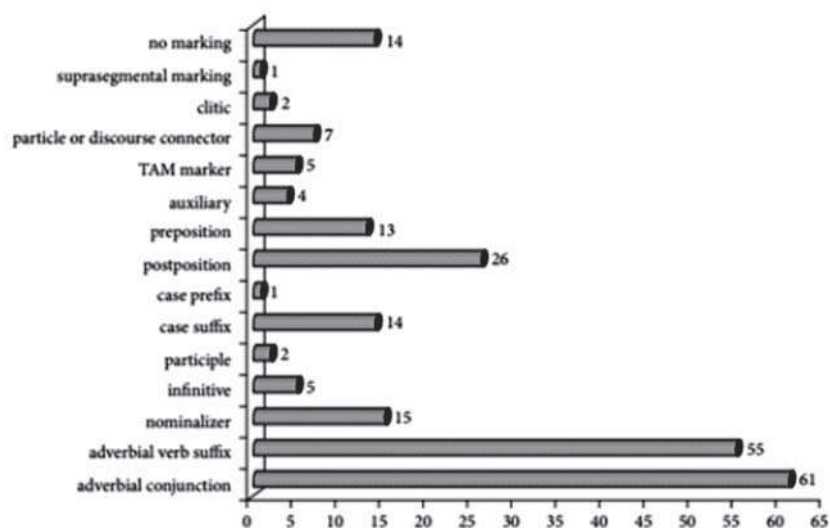

Figure 10. Primary gestalt features in purpose clauses (N=225)

Илл. 2. Первичные элементы в целевых конструкциях [Schmidtke 2009:79].

Тот факт, что в идише, как было показано выше, не союз (*kedej, azi* др.), а именно глагол *zoln* — выражающий модальность высказывания — является решающим для построения целевой конструкции, весьма примечательно. Примечательным это представляется нам в силу того, что, судя по рассмотренным в [Schmidtke 2009: 73] данным о типологическом распределении элементов, имеющих первичное значение при построении целевых конструкций в языках мира («primarygestaltfeature»), показатели времени, аспектуальности и модальности достаточно редко

становятся первичным элементом при построении целевых конструкций. См. приведенную автором таблицу выше (см. столбец «ТАМ-marker» — «tense, aspect, moodmarker»).

Действительно, в других германских идиомах, например, немецком и английском языках, в целевых некорреферентных конструкциях наличие ТАМ-маркера совсем не обязательно. В немецком языке, как упоминалось выше, в целевых клаузах, вводимых союзом *damit*, глагол может стоять в конъюнктиве, но в современном языке он практически всегда используется в индикативе. В английском языке в конструкциях с *sothat* предикат зависимой клаузы может быть образован с использованием ТАМ-маркера (модальных глаголов *would*, *could*, показателя будущего времени *will*). Напротив, отсутствие необходимого союза безусловно помешает образовать целевую конструкцию. Иллюстрация номер два, приводимая Кристин Шмидтке [Schmidtke: 89], демонстрирует, что ТАМ-маркеры гораздо чаще используются как дополнительный элемент целевой конструкции («secondarygestaltfeature») — в сумме 41 раз из 116 случаев (35%) присутствия вообще какого-либо второго элемента в конструкции.

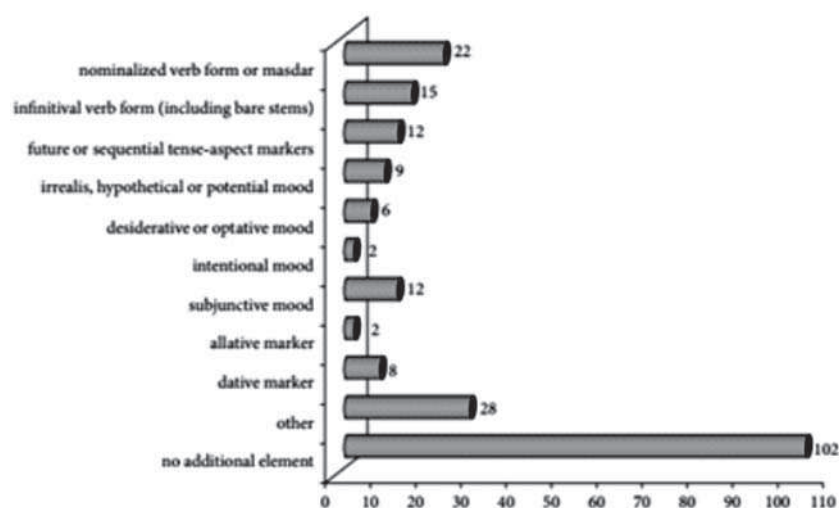

Figure 15. Secondary gestalt features in purpose clauses (N=218)

Илл. 3. Вторичные элементы в целевых конструкциях [Schmidtke: 89].

В идише же, напомним, ситуация зеркально противоположная. ТАМ-маркер («смешанное» наклонение, выражаемое при помощи модального глагола *zoln*) является первичным элементом некорреферентной целевой

конструкции, а один из возможных союзов лишь подчеркивает целевое значение всей клаузы. Следовательно, в этом отношении некоррелятивная целевая конструкция в идише является типологической редкостью, относясь к пяти другим подобным конструкциям, составляющим 2% из выборки в 225 конструкций (см. илл. 2 выше).

Исходя из всего вышесказанного, по нашей гипотезе, рассмотренное явление бессоюзного присоединения целевых клауз в идише, с одной стороны, не является уникальным, изолированным фактом развития идиша, а представляет собой логическое продолжение тенденций, свойственных и другим германским идиомам, а также имеющим некоторое типологическое распространение и вне их. С другой стороны, именно такой итоговый результат этого развития, в котором решающую роль играет ТАМ-маркер, является редким с типологической точки зрения явлением.

3. КОРРЕЛЛЯТИВНЫЕ КЛАУЗЫ

3.1 Инфинитивные конструкции в немецком языке

В древневерхненемецком, в отличие от современного литературного немецкого языка, инфинитивные конструкции могли использоваться без каких-либо целевых маркеров. Однако уже в средневерхненемецком языке в таких конструкциях начинает использоваться факультативный целевой маркер, например, предлоги *durch* или *um/umbe* (который обнаруживается в текстах второй половины XIII века).

(Н.10) Der junge degen unervorht reit durch âventiur zu versuochen.
'Мальчик, мечей не боясь, поехал, чтобы приключения испытать' [Р 435.10; Demske 2011]

(Н.11) Der christen... die sich da hin erbieten wellent umbe ir missetat zu vertilgenne 'Христиане... которые туда податься выбрали, чтобы ваш проступок изничтожить' [Corpus I, 137; Demske 2011].

Окончательное разграничение омонимии пространственных и непосредственно синтаксических значений этих предлогов произошло к середине XVII века. Примерно в то же время предлог *um* закрепился в литературном немецком языке в качестве лексемы, вводящей целевые инфинитивные обороты, став специализированным целевым маркером.

Если в стандартном немецком языке в инфинитивных конструкциях с целевым значением обязателен маркер-предлог *um*, то в различных диалектах немецкого языка он совсем не обязателен. Ср. баварский пример, где инфинитивная клауза вводится только частицей *zo*, являющейся диалектным вариантом литературной частицы *zu*:

(Н.14) Un soinda auvarkent kamion [zo nema s'gehülz]. «Und es kamen Lastwagen herauf, um das Holz abzuholen» [Demske 2011]. 'Затем прибыли грузовики, чтобы забрать дрова'

3.2 Инфинитивные конструкции в идише

Говоря об инфинитиве в идише, необходимо сказать, что в стандартной его разновидности правила употребления инфинитива с частицей *tsu*, в целом, схожи с соответствующими правилами немецкого языка. Например, некоторых глаголов частица *tsu* не может использоваться — судя по учебной грамматике Ульриха Вайнрайха [Weinreich: 1999], к этим глаголам в идише относится ряд модальных и других глаголов (*darfn, hejsn, helfn, veln, lernen zix, muzn, megn, nit torn, kenen*).

3.3 Tsu-инфинитив

В идише *tsu*-инфинитив (без каких-либо иных маркеров) может использоваться при целевом инфинитивном обороте (И.25-И.26), а также с близким по значению определительным инфинитивным оборотом (И.27). Судя по материалам, полученным от некоторых информантов, *tsu*-инфинитив может употребляться в одинаковых случаях как с союзом *kedej*, так и без него. К примеру, предложение (И.26) было сначала произнесено информантом с *kedej*, а затем и без него.

(И.25) Ejder zej hobn gexapt a ban, hobn di tatename zix opgeštelt tsu kenen zen far letstn mol zejer farlibter shtetl. 'Прежде чем они сели на поезд, мои родители остановились чтобы увидеть в последний раз свой любимый штетл' [Botvinik_USA]

(И.26) Ix lern azoy gut (kedej) tsu zajn špeter rajx 'Я учусь так хорошо, чтобы позже быть богатым' [Bronya_ukr]

(И.27) Eynerfundizin, yehude, hotobergegebne neytsetsufarkoyfnimv iashkaf 'один из сыновей, Йегуда, дал однако совет продать его как шкаф' [forverts]

В наших материалах инфинитивный целевой оборот (как без союза *kedej*, так и с ним — в конструкции «*kedej + tsu + inf*») встречается чаще у носителей польского и белорусско-литовского диалектов идиша. Многие носители украинского диалекта в случае кореферентности клауз зачастую склоняются к использованию конструкции с глаголом *zoln*, также использующейся и с некорреферентными клаузами. Это явление мы рассмотрим чуть ниже.

Напомним, что, специфичный целевой союз *kedej* очень редок в речи носителей идиша, не говоря уже о носителях украинского диалекта, которые вообще не используют данный союз. Исходя из этого, на наш взгляд, можно говорить о том, что существование явления присоедине-

ния кореферентных целевых клауз только сочетанием «tsu + инфинитив» сближает идиш с баварскими диалектами немецкого языка. Напомним, в баварских диалектах кореферентная целевая клауза может быть присоединена к главной клаузе только инфинитивной частицей — маркером *zo*, очевидно являющейся когнатом используемой в идише частицы *tsu*.

Этот факт можно попытаться объяснить тем, что использующаяся в современном литературном немецком языке специфично-целевая инфинитивная конструкция «*um ... zu*» отсутствовала в средневерхненемецком языке на момент отделения восточного идиша от германского континуума, и, следовательно, не могла закрепиться в разговорном идише. Стандартный же подчинительный союз *az* ('что, когда и т. п.' — ср. нем. *dass*), как и в немецком языке, не может выступать в качестве маркера инфинитивного оборота.

3.4 Маркер *ojf/af tsu*

Одной из примечательных особенностей синтаксиса украинского диалекта идиша, обнаруженных нами в ходе полевой работы, является использование маркера *ojf tsu*, состоящего из пространственного предлога *ojf* 'на' и инфинитивной частицы *tsu*, при присоединении инфинитивных оборотов.

(И.28) *Abram 'ot gebraxht holz [af zi maxn varem in štib]* 'Абрам принес дрова, чтобы сделать тепло в комнате' [Sirakis_ukr].

В собранном нами материале украинского диалекта идиша эта конструкция обнаружилась у пяти информантов. Во всех записях литовского и польского диалектов, а также современного идиша США эта конструкция отсутствует, а предложенные варианты с *ojf tsu* были запрещены носителями.

Судя по нашим записям, эта конструкция, скорее, вводит только определительный инфинитивный оборот, т. е. такой оборот, где матричная и зависимая клаузы имеют общий объект (ср. рус. *купила продукты [готовить еду], а готовить не хочу [google]*; вообще, такие обороты в русском языке оформляются точно также, как и целевые инфинитивные клаузы, и, зачастую, вводятся многозначной лексемой *чтобы*). Об этом свидетельствует то, что четверо из пяти информантов использовали не конструкцию с *ojf tsu* с целевыми инфинитивными клаузами, последовательно употребляя ее только с определительными оборотами. Ср. распределение целевых (Ц) и определительных (О) клауз, а также место рождения информантов:

(О) *Majn miter hot gekojft fish of tsi maxn gefilte fish.* 'Мама купила рыбы чтобы сделать гефилте-фиш' [Zina_ukr] (Бельцы)

(Ц) *Ix bin gegongen in klejd tsi kojfn milex.* 'Я пошел в магазин, чтобы купить молока.' [Zina_ukr] (Бельцы)

(O) *Ix kojf di bixlex af tsi lejenen.* ‘Я купил эти книжки, чтобы прочитать.’ [Maria_ukr] (Бельцы)

(O) *Maša šloptunmerlex, aftsimaxnesn.* Маша режет морковку, чтобы приготовить суп. [Maria_ukr] (Бельцы)

(Ц) *Ix gej in gos tsi kojfn fish.* Я иду на рынок купить рыбы. [Maria_ukr] (Бельцы)

(O) *Ester rejnikt de jin af upzikoxn das juxl, a sup/juxl* Эстер чистит курицу, чтобы сварить суп. [Aleksandra_ukr] (Флорешты)

(Ц) *Dikozlojftahejmzolesndesflejš.* ‘Кошка бежит домой, чтобы поесть мяса.’ [Aleksandra_ukr] (Флорешты)

(O) *Ix šnat a morklex af tsi maxn a salat.* Я режу морковку чтобы приготовить салат. [Sofia_ryb_ukr] (Рыбница)

(Ц) *Ix arbet a sax (ix) zol polučen a sax gelt.* ‘Я много работаю чтобы потом получать много денег.’ [Sofia_ryb_ukr] (Рыбница)

С другой стороны, в речи других носителей украинского диалекта, не родившихся именно в Молдавии (области распространения бессарабского варианта украинского диалекта), разделение этих значений не прослеживается.

(И.29) (Ц) *Di kats lojft ahejm af tsi esn flejš* ‘Кошка бежит домой, чтобы поесть мяса’ [Sirkis_ukr] (Черновцы)

(И.30) (O) *Sara gejt ahejm [...] of tsi bagisn di blumen.* ‘Сара идет домой, чтобы поливать цветы’ (Черновцы)

(И.31) *Vayl ix kum gants špet in Paris oyf tsu študirn* ‘потому что я прибыл довольно поздно в Париж, чтобы учиться’ [Bunim] (Париж)

Однако в проанализированных нами текстах, например, романе Менделе Мойхер-Сфорима «Волшебное кольцо» наблюдается сужение функциональности маркера *ojf tsu*. При частом его использовании (около 20 вхождений) в большинстве случаев *ojf tsu* используется в определительных инфинитивных оборотах. При этом в данном тексте специализированные союзы *kedey* и *bikhdey* широко используются в качестве маркера целевого инфинитивного оборота, ср.:

(И.32) *ployderzak! oyf tsu darshenen hostu gehat a moyl* ‘Болтун! Чтобы болтать у тебя был рот’ [MS]

Такие же результаты демонстрируют тексты Шолом-Алейхема, родившегося на территории распространения украинского диалекта. При очень редком, в отличие от Менделе Мойхер-Сфорима, употреблении союзов *kedey* и *bikdey*, во всех обнаруженных нами примерах (17 вхождений) *ojf tsu* маркирует определительный инфинитивный оборот, присоединяющийся как к именным группам, так и к предикатам, ср.:

(И.33) *der rebe, reb Itse iz bay mir nisht nor a melamed, a lerer aleyn, nor oykh a madrikh, a vegvayzer, a min gubernantke, oyf tsu lernen mikh*

derekh-erets ‘Реб Ицик для меня не только меламед, просто преподаватель, но еще мадрих, проводник, сорт гувернантки, чтобы учить меня праведному поведению’

(И.34) Beni zol hobn oyf tsu gevinen bay mir nokh etlekhe kopikes «Пусть Бенья будет иметь чтобы выиграть от меня еще несколько копеек» ~ ‘Пусть Бенья получит от меня еще несколько копеек’

С другой стороны, нельзя безусловно говорить о том, что в письменных текстах *oyf tsu* не может выступать в качестве маркера инфинитивного целевого оборота. В корпусе было обнаружено значительное количество примеров *oyf tsu* в качестве собственно-целевого маркера. Например:

(И.35) Fun di foyglen loyt zeyere minim [...] tsu tsvey fun itlekhn zoln arayneyn tsu dir, oyf tsu derhalten baym lebn ‘От птиц согласно их роду, по две из каждого пусть выйдут к тебе, чтобы остаться в живых’ [Yehoesh]

Вообще, на наш взгляд, эта конструкция представляет большой интерес, т.к. сочетание пространственного предлога и частицы *tsu*, как уже говорилось, является характерным для различных германских идиомов: *durch* ‘через’, *um* ‘около’, предлог *auf* также может в сочетании с союзом *dass* вводить целевые конструкции, хотя сегодня такое употребление является архаичным [Duden Online].

(Н.36) Der Präfekt ließ ihn auf das Schlimmste foltern, auf dass er vom christlichen Glauben abschwören sollte. Er aber blieb in seinem Glauben standhaft. ‘Перфект приказал его ужасно пытаться, чтобы он от христианской веры отказался. Он, однако, остался в своей вере стойко’ [Wikitravel.org: Deir Abū Mīnā]

Уже в средневерхненемецких текстах *auf dass* выполнял функции союза цели [Bross: 25].

Однако сочетание *auf dass* вводит, как и союз *damit*, некоррелируемые клаузы с выраженными в обеих частях субъектами. Нами не было обнаружено упоминаний об использовании этого предлога в качестве маркера целевого инфинитивного оборота. Если отсутствие таких употреблений в других германских идиомах, как в синхронии, так и в диахронии подтвердится, то мы можем предположить, что эта конструкция является примером своеобразной интерпретации германского (средневерхне-немецкого) паттерна «пространственный предлог + *tsu* + *inf*» идишем, возникшей независимо от других германских идиомов и ингибированной использованием предлога *auf* в качестве маркера целевой финитной клаузы.

С другой стороны, нельзя не заметить сходство со славянской конструкцией «на + отглагольное существительное», имеющейся, как

минимум, в русском, украинском и польском языках; например, рус. *на продажу*. Учитывая то, что, как и в немецком языке, в идише существует возможность субстантивации инфинитива (возможны варианты типа «tsum farkojfn» ‘на продажу’ — встретившееся в речи одного из носителей [Levin] словосочетание), возможно, появление конструкции af tsu связано со славянскими языками. В некоторых примерах конструкция «ojf tsu + inf» вполне может быть переведена на русский язык при помощи конструкции «на + отгл. сущ.», ср.:

(И.37) Vu hot genumen der almones yingl gelt oyf tsu shpiln – dos zolt ir gor nisht fregn. ‘откуда взял сын вдовы деньги на игру (чтобы играть) — этого даже не спрашивайте’ [Aleykhem]

Вообще, очень вероятным представляется то, что обнаруженное нами в устных материалах использование af tsu в качестве маркера не только определительного инфинитивного оборота, но и целевого инфинитивного оборота обусловлено влиянием русского языка, в котором лексема *чтобы* может быть маркером как определительных инфинитивных оборотов (*я купил еду, чтобы готовить*), так и целевых инфинитивных оборотов (*я пришел домой, чтобы готовить*).

3.5 Конструкции с глаголом *zoln* при кореферентности клауз

Совсем не всегда носители идиша, с которыми нам удалось поработать, стремились к использованию какого-либо инфинитивного оборота в случае кореферентности матричной и целевой зависимой клаузы. При этом, значение целевого инфинитивного оборота и маркера *kedej* всеми информантами вполне понималось и не определялось как неправильное.

Многие опрошенные носители бессарабского варианта украинского диалекта вместо инфинитива употребляли конструкцию с глаголом *zoln*, уже используемую в случае некорреферентных клауз.

(И.38) Abramhotgebraxt ‘olzzol ‘ejtsn. tsi ‘esjtsn ‘Абрам принес дров, чтобы растопить печь’.– нельзя, лучше с зол. «Чтобы топить» [Kogan_ukr]

(И.39) Dekazlojftindrejnzolesnflejš ‘Кошка бежит домой, чтобы поесть мяса’. [Sofia_ukr]

(И.40) Mojšemaxtolalejnerzolalejnfornejnminsk ‘Мойша делает все сам, чтобы самому поехать учиться’ [Aleksandra_ukr]

(И.41) Der fiks zixt di rojb kedej er zol nit zaan hingerik. ‘Лиса ищет добычу, чтобы не быть голодной’ [Sirkis_ukr]

Распространение этой конструкции, как представляется нам, связано с двумя факторами.

Во-первых, оно может быть обусловлено языковой экономией: использование одной целевой конструкции и для кореферентных, и для некорре-

ферентных клауз экономней, чем использование двух. Ср. разграничение инфинитивных и неинфинитивных целевых конструкций в современном стандартном идише («kedej + tsu + инфинитив» vs. «kedej + субъект + zoln + инфинитив»), в немецком («um [...] + zu + инфинитив» vs. «damit + субъект + глагол в индикативе или конъюнктиве»).

Во-вторых, это может быть объяснено семантическими причинами, а именно стремлением разграничить случаи присоединения клауз, являющихся непосредственно актантами матричного предиката и клауз, играющих роль сентенциального сирконстанта с обстоятельственным значением. Таким образом, если в первом случае при истинности матричной клаузы зависимая клауза также становится истинной, но во втором случае напротив, истинность главной клаузы не предполагает истинность зависимой. Ср. комментарий одного из носителей [Kogan]:

Соб.: Как перевести «Кошка бежит за мышью, чтобы ее съесть»?

Инф.: Dikotslojftnuxdemmazlzolif(r)esn.

Соб.: можно ли сказать «Dikotslojftnuxdemmazlzitsufresn»?

Инф.: Нет. Кошка не ест мышь, поймают, играет, по смыслу так не говорится. Если она ее поймают, она примет решение, или съест или не съест.

Если второе предположение верно, то нельзя говорить о том, что, в соответствии с принципом языковой экономии инфинитивный целевой оборот в украинском диалекте полностью вытесняется конструкцией с *zoln*.

Табл. 2. Распределение маркеров целевых инфинитивных конструкций в корпусе современного идиша.

	inf*	kedej + inf	tsu + inf	ojf tsu + inf	kedej tsu + inf	abi tsu + inf
Устные тексты	+	(+)	+	+	+	-
«Старые» письменные тексты	+	-	+	+ ~110	+ 124	-
Современные письменные тексты	+	(+) 27	+	(+) ~270	++ 1570	+24

* В графах «инфинитив» и «tsu+инфинитив» нет конкретных цифр из-за сложностей с разграничением омонимичных употреблений в корпусе.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выше были выделены основные конструкции, выражающие значение цели:

1) конструкция, характерная для некорреферентных клауз («(союз) + личная форма глагола *zoln* + (субъект) + инфинитив»).

2) конструкция с инфинитивным оборотом, используемая при условии корреферентности клауз («(маркер – союз/предлог) + (*tsu*) инфинитив»).

Были выявлены также случаи расширения использования первой конструкции на случаи, когда матричная и зависимая клауза корреферентны. Кроме того, было показано, что первая конструкция, где ведущую роль, судя по всему, играет глагол *zoln*, а не союз, является типологически редкой.

Также внимание было уделено диахроническим и региональным различиям при образовании целевых конструкций. Одной из примечательных диахронических особенностей, на наш взгляд, является значительное увеличение доли специализированного союза *kedej* в текстах, написанных во второй половине XX века.

1) Было выявлено, что украинский диалект обладает несколькими яркими особенностями построения целевых клауз:

2) Бессоюзный способ присоединения некорреферентной конструкции с глаголом *zoln*.

3) Значительное распространение конструкции с *zoln* из некорреферентных клауз также в корреферентные клаузы.

Использование конструкции *af/off tsu* с определительным инфинитивным оборотом, в то время как в остальных диалектах идиша определительный и целевой инфинитивный оборот не различаются и маркируются только частицей *tsu*.

Данные особенности могут быть представлены при помощи нескольких таблиц:

Табл. 3. Различия между «старыми» и «новыми» текстами.

	Бессоюзие	Az	Kedej		Bikdej		Abi	Af	
Zoln	+	+	(+) С.	+ Н.	(+) С.	(-) Н.	+/-	-	
(zu)- inf	+	-	(+) С.	+ Н.	(+) С.	(-) Н.	+/-	+ С.	(+) Н.

Табл. 4. Различия между украинским (У), польским (П.) и литовским (Л.) диалектами в устной речи.

	Бессоюзие			Az	Kedej			Bikdej	Abi		Af		
Zoln	+ У.	-+ Л.	-+ П.	+	- У.	+/- Л.	+/- П.	-	+/- У.	- Л.	-		
(zu)- inf	+ У.	-+ Л.	-+ Л.	-	- У.	+/- Л.	+/- П.	-	+/- У.	- Л.	+ У.	- Л.	- П.

Табл. 5. Обзорная таблица.

Характер предиката→	«Стандартный» идиш + диалекты		Стандартный немецкий + диалекты	
	Zoln	INF	IND/(KONJ.)	INF
Клаузы некорреферентны →	Ø + zoln + inf, Kedej + zoln + inf, Az + zoln + inf, Abi + zoln + inf И др.	-	Damit/dass + IND (Damit/dass + KONJ.) (*Ø +konj)	-
Клаузы корреферентны →	(+ - диалекты)	Tsu +inf, af tsu + inf, Ø + Inf, Kedej + inf.	- +(??) Как минимум, возможно при императиве в главной клаузе и модальных глаголах.	Um zu + inf, (Zu + inf), (Fer zu + inf) И др.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Англо-русский универсальный словарь Lingvo-Universal M., 2011.
- Бабенко Н. С. Развитие сложноподчиненных предложений обстоятельного типа в немецком языке XVI–XVII веков. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.
- Бабенко Н. С. К вопросу взаимодействия союза и наклонения в придаточном предложении цели // Вопросы диалектологии и истории немецкого языка. Вып. 90. Омск, 1974. С. 98–110.
- Борковский В. И. Бессоюзные сложные предложения, сопоставляемые со сложноподчиненными. М., 1972.
- Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев, 1979.
- Добрушина Н. Р. Модальные предикаты и сослагательное наклонение // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» /Под общ. ред.: В. Селегей. Вып. 13(20). М.: Изд-во РГГУ, 2014. С. 150–161.
- Градинарова А. Русский целевой бессоюзный инфинитив: Условия употребления // Болгарская русистика, вып. 3–4. С. 11–20. София, 2006.
- Гусев В. Ю. Целевые конструкции при глаголах движения: актанты или сирконстанты? // International symposium on typology of the argument structure and grammatical relations in languages spoken in Europe and North and Central Asia. KazanStateUniversity, May 11–14, 2004.
- Едиг Г. Г. Очерки по синтаксису нижненемецкого говора Алтайского края. Омск: Зап.-Сиб. Кн. Изд, омское отд-ние, 1969.

Едиг Г. Г. Придаточные предложения в нижненемецких говорах Алтайского края. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Томск, 1961.

Коряков Ю. Б. Диалекты языка идиш: карта. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/10525>

Ефремова Т. Ф. Толковый словарь омонимов русского языка. М., 2007.
Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Пекелис О. Е. Сентенциальные обстоятельства // Русская Корпусная Грамматика. 2014, Эл. Ресурс: <http://rusgram.ru/index>

Пешковский А. М. Избранные труды. М., 1959.

Сандлер С. Самоучитель языка идиш. М., 1989.

Семенюк Н. Н. Развитие сложного предложения в немецком языке XII–XVIII вв. М., 2010.

Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М.: Высшая школа, 1972.

Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис М., 2001.

Учитель И. К вопросу о заимствовании лексемы *abi* в идише // Еврейская речь, вып. 2. Спб, 2014.

Эдельман Д. И. К теории языкового союза // Вопросы языкознания, вып. 3. М., 1978.

Фридберг М. Х. Сложноподчиненное предложение в Идиш-Тайч XVI–XVIII вв. (к вопросу о влиянии семитических и славянских языков на синтаксический строй идиш) // Вопросы синтаксиса романо-германских языков. Л., 1961.

Фридберг М. Х. Сложноподчиненное предложение в Идиш-Тайч XVI–XVIII вв. (к вопросу о влиянии семитических и славянских языков на синтаксический строй идиш) // «ВЕСТНИК Ленинградского Университета». Вып. 20. Л., 1968.

Фридберг М. Х. Подчинительные союзы в идиш. Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1970.

Шаниро М. А. и др. Русско-Еврейский (идиш) словарь. М., 1989

Behagel O. Deutsche Syntax. 3 Vols. Leipzig, 1928.

Birnbaum S. Yiddish: a Survey and a Grammar. Toronto, 1979.

Bross F. Mittelhochdeutsche Kurzgrammatik. 2008. [Эл. Ресурс] Available at: www.fabianbross.de/mittelhochdeutsch.pdf

Brandt M., Roserger I. Das Deutsche Satzgefüge in kontrastiver Sicht, 1983. Studia Linguistica, Volume 37. Is. 2.

Cristofaro S. Subordination. New York/Oxford, 2003.

Demske U. Finale Marker in Infinitivkonstruktionen. Wandel und Variation. Wien, 2011.

Deutsches online woerterbuch Available at: duden.de

Eggensperger K. Grammatikalisierung bei jiddischen Modalverben. Sao Paolo, 2001.

Fleischer J. Slavic influence in Eastern Yiddish syntax: the case of vos relative clauses // International Journal of the Sociology of Language, Вып. 226. De Gruyter Mouton, 2013.

Gomez-Rendon J. A. Typological and social constraints on language contact: Amerindian languages in contact with Spanish. Utrecht: LOT, 2008.

Jacobs N. G. Yiddish. A Linguistic introduction. Cambridge university press, 2005.

Harkavy A. Falštendiges engliš-jiddiš verterbux. New-York, 1910.

Heier H. The Syntax of German. Cambridge, 2010.

Katz D. Yiddish Language. Эл. Ресурсы: <http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Language/Yiddish>

Kaufman T., Thomason S. G. Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics. University of California Press, 1988.

Klappelbach R., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Berlin, 1978.

Kleiner Y. Quantity loss in Yiddish: a Slavic feature? // D. G. Gilbers, J. Nerbonne and J. Schaecken (eds). Languages in Contact // Studies in Slavic and General Linguistics. Amsterdam — Atlanta, 2000. Vol. 28. Pp. 193–197 (with Natalia Svetozarova).

Labov W. The Social Stratification of English in New York City. Washington, D.C: 1966.

Matras Y. Language contact. Cambridge university press, 2009.

Mair C. A contrastive analysis of object-control in English and German. Poznan, 1990.

Mark Y., Yofe Y. Grojser verterbux fun der jiddišer šprax. New York, 1961.

Meakins F. Mixed Languages // Contact languages: A Comprehensive Guide. Berlin, 2013.

Rabinovich Y. Yiddish Grammar & Syntax, with a particular emphasis on the Yiddish of Nachman of Breslov эл. Ресурсы: ww.invisiblebooks.com/YidGramSyn.htm

Reerschmies G. Die Sprache der Auricher Juden. Wiesbaden, 2007.

Schmidtke-Bode K. A typology of purpose clauses. Amsterdam/Philadelphia, 2009.

Taube M. On factivity, emotivity and choice of conjunction in Yiddish // Studies in language, 1994.

Weinreich U. College Yiddish: An Introduction to the Yiddish Language and to Jewish Life and Culture. Boston, 1999.

Zaretzki I. Yidishe gramatik. Vilnius, 1929.

Авербух М. Ідыш-Беларускі слоўнік. Мінск, 2008.

Wikitravel.org: DeirAbū Mīnā [Эл. Ресурсы]. Available at: http://wikitravel.org/de/Deir_Ab%C5%AB_M%C4%ABn%C4%81

BIBLIOGRAPHY

Anglo-Russkiy universal'niy slovar' Lingvo-Universal. [English-Russian universal dictionary Lingvo-Universal]. Moscow, 2011.

Averbukh, M. (2008) *Idysh-Belaruski slounik* [Yiddish-Belorussian dictionary]. Minsk. (In Belarusian)

Babenko, N. S. (1975) *Razvitie slozhnopodchinennykh predlozheniy obstoyatelstvennogo tipa v nemetskom yazyke XVI–XVII vekov* [Evolution of adverbial complex sentences in German in the XVIth–XVIIth centuries]. Moscow.

Babenko, N. S. (1974) K voprosu vzaimodeystviya soyuza i nakloneniya v pridatochnom predlozhenii tseli [Interaction] of conjunction and mode in final clause). *Voprosy dialektologii i istorii nemetskogo yazyka*, 9, 98–110.

Behagel, O. (1928) *Deutsche Syntax*. Vol. 3. Leipzig.

Birnbaum, S. (1979) *Yiddish: a Survey and a Grammar*. Toronto.

Borkivskiy, V. I. (1972) *Bessoyuznye slozhnye predlozheniya, sopostavlyayemye so slozhnopodchinennymi* [Asyndetic composite sentences, correlated to complex ones]. Moscow.

Brandt, M., Rosergen, I. (1983) Das Deutsche satzgefuge in kontrastiver Sicht. *Studia Linguistica*, 37 (2).

Bross, F. (2008) *Mittelhochdeutsche Kurzgrammatik*. Available at: www.fabianbross.de/mittelhochdeutsch.pdf

Cristofaro, S. (2003) *Subordination*. New York, Oxford.

Demske, U. (2011) *Finale Marker in Infinitivkonstruktionen. Wandel und Variation*. Wien.

Deutsches online woerterbuch. Available at: duden.de

Dobrushina, N. R. (2014) Modal'niy predikat i soslagatel'noe naklonenie [Modal predicate and conjunctive mood], *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog"*. [Computer linguistics and intellectual technologies. Materials of annual international conference: "Dialog"], 13 (20), 150–161.

Edel'man, D. I. (1978) K teorii yazykovogo soyuza [To the theory of language conjunction], *Voprosy yazykoznaneya*, 3.

Edig, G. G. (1969) *Ocherki po sintaksisu nizhenemetskogo govora Altayskogo kraya* [Essays on syntax of Low Plattdeutsch of Altai region]. Omsk, Zap-Sib.kn.izd., omskoe otdelenie.

Edig, G. G. (1961) *Pridatochnye predlozheniya v nizhnenemetskikh govorkakh Altayskogo kraya*. [Dependent clauses in Plattdeutsch of Altai region]. Abstract of dissertation. Tomsk.

Efremova, T. F. (2007) *Tolkoviy slovar' omonimov russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow.

Koryakov, Y. B. *Dialekty yazyka idish: karta* [Dialects of the Yiddish language; map]. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/10525>

Eggenesperger, K. (2001) *Grammatikalisierung bei jiddischen Modalverben*. Sao Paolo.

Fleischer, J. (2013) Slavic influence in Eastern Yiddish syntax: the case of vos relative clauses. *International Journal of the Sociology of Language*, 226.

Fridberg, M. H. (1961) Slozhnopodchinennoe predlozhenie v Idish-Taych XVI–XVIII vv. (k voprosu o vliyaniy semiticheskikh i slavyanskikh yazykov na sintaksicheskiy stroy idish) [Complex sentence in Yiddish-Taytsh in the XVIth–XVIIIth centuries (Influence of Semitic and Slavic languages on Yiddish syntax)], *Voprosy sintaksisa romano-germanskikh yazykov* [Problems of syntax in Roman-German languages]. Leningrad.

Fridberg, M. H. (1968) Slozhnopodchinennoe predlozhenie v Idish-Taych XVI–XVIII vv. (k voprosu o vliyaniy semiticheskikh i slavyanskikh yazykov na sintaksicheskiy stroy idish) [Complex sentence in Yiddish-Taytsh in the XVIth–XVIIIth centuries (Influence of Semitic and Slavic languages on Yiddish syntax)]. *Vestnik Leningradskogo universiteta* [Bulletin of Leningrad University], 20.

Fridberg, M. H. (1970) *Podchinitel'nye soyuzy v idish* [Subordinate conjunctions in Yiddish]. Dissertation. Leningrad.

Gomez-Rendon, J. A. (2008) *Typological and social constraints on language contact: Amerindian languages in contact with Spanish*. Utrecht, LOT.

Gradinarova, A. (2006) Russkiy tselevoy bessoyuzniy infinitiv: Usloviya upotrebleniya (Russian asyndetic infinitives of purpose: examples of usage). *Bolgarskaya rusistika*, 3–4: 11–20.

Gusev, V. Y. (2004) Tselevye konstruksii pri glagolakh dvizheniya: aktanty ili sirkonstanty? [Final constructions with verbs of motion: actants or circumstants?]. *International symposium on typology of the argument structure and grammatical relations in languages spoken in Europe and North and Central Asia*. Kazan State University, May 11–14, 2004. Kazan.

Jacobs, N. G. (2005) *Yiddish. A Linguistic introduction*. Cambridge university press.

Harkavy, A. (1910) *Falštendiges engliš-jiddiš verterbux*. New-York.

Heier, H. (2010) *The Syntax of German*. Cambridge.

Katz, D. *Yiddish Language*. Available at: <http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Language/Yiddish>

- Kaufman, T., Thomason, S. G. (1988) *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. University of California Press.
- Klappelbach, R., Steinitz, W. (1978) *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*. Berlin.
- Kleiner, Y. (2000) Quantity loss in Yiddish: a Slavic feature? *Languages in Contact. Studies in Slavic and General Linguistics*, 28, 193–197.
- Labov, W. (1966) *The Social Stratification of English in New York City*. Washington, D.C.
- Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic dictionary of linguistics]. Moscow, 1990.
- Matras, Y. (2009) *Language contact*. Cambridge university press.
- Mair, C. (1990) *A contrastive analysis of object-control in English and German*. Poznan.
- Mark, Y., Yofe, Y. (1961) *Grojser verterbux fun der jiddiŝer ŝprax*. New York.
- Meakins, F. (2013) *Mixed Languages. Contact languages: A Comprehensive Guide*. Berlin.
- Peshkovsky, A. M. (1959) *Izbrannye trudy*. Moscow.
- Pikelis, Y. B. (2014) Sentential'nye obstoitel'stva [Sentential adjuncts]. *Russkaya korpusnaya grammatika*. Available at: <http://rusgram.ru/index>
- Rabinovich, Y. *Yiddish Grammar & Syntax, with a particular emphasis on the Yiddish of Nachman of Breslov*. Available at: ww.invisiblebooks.com/YidGramSyn.htm
- Reerschemius, G. (2007) *Die Sprache der Auricher Juden*. Wiesbaden.
- Sandler, S. *Samouchitel'yazyka idish* [Self-help book of Yiddish]. Moscow, 1989.
- Semenyuk, N. N. (2010) *Razvitie sloznogo predlozheniya v nemetskom yazike XII–XVIII vv.* [Evolution of composite sentence in German in the XIIth–XVIIIth centuries]. Moscow.
- Schmidtke-Bode, K. (2009) *A typology of purpose clauses*. Amsterdam, Philadelphia.
- Taube, M. (2004) On factivity, emotivity and choice of conjunction in Yiddish. *Studies in language*, 18(1).
- Shapiro, M. A., ed. (1989) *Russko-evreyskiy (idish) slovar'*. [The Russian-Jewish (Yiddish) dictionary]. Moscow.
- Stetsenko, A. N. (1972) *Istoricheskiy sintaksis russkogo yazyka* [Historical syntax of the Russian language]. Moscow, Visshaya shkola.
- Testeleets, Y. G. (2001) *Vvedenie v obschiy sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow.

Uchitel, I. (2014) K voprosu o zaimstvovanii leksemy “abi” v idishe [To the question on adoption of the lexeme “abi” in Yiddish], *Evreyskaya rech* [Jewish speech], 2.

Vaynraykh, U. (1979) *Yazykovye kontakty* [Language contacts]. Kiev.

Weinreich, U. (1999) *College Yiddish: An Introduction to the Yiddish Language and to Jewish Life and Culture*. Boston.

Wikitravel.org: Deir Abū Mīnā. Available at: http://wikitravel.org/de/Deir_Ab%C5%AB_M%C4%ABn%C4%81

Zaretski, I. (1929) *Yidishe gramatik*. Vilnius.